Лит газета 1977, 12 окт. № 41

Знакомьтесь: Надя Родионова, ткачиха. Новый спектакль Театра имени Ленинского комсомола

ТРИ НАДЕЖДЫ

ГОЛУБЕНЬКАЯ с мелкими желтенькими цветочками, темно-малиновая с бледно-розовыми букетами и прочие разных цветов и рисунков набивные ткани, родившиеся в фантазии художников О. Твардовской и В. Макушенко, заполонили сцену Московского театра имени Ленинского комсомола. Крутится сценический круг, и пестрота эта складывается в длинную, веселую и уютную дорогу, о которой, наверное, и пели во вступительной песне поэта Л. Палея и композитора Г. Гладкова:

А была дорога давней,
А была дорога дальней...

Можно было не глядеть в программку: спектакль должен был быть о ткачихах и, судя по зачину, настраивал на добродушно-умиротворенный лад.

Эта тональность доверительно-спокойного разговора, на мой взгляд, и оказалась самой сильной стороной спектакля «Мои Надежды» (пьеса М. Шатрова, постановка М. Захарова). Разговор о производстве, о месте и долге человека в обществе станет самым главным в этом спектакле. Но его авторы в свой рассказ о том, как молодая ткачиха Надя Родионова (Т. Кравченко), ударница, работающая на восьми станках-автоматах вместо четырех, «маяк», охотно открывающая свои профессиональные секреты, в самый последний момент поставила под вопрос всю свою «карьеру» — свободно и не шутки ради, вплетают детали обыденные, будничные.

Сама Надя обмолвится, как решилась родить ребенка без мужа. Еще «незамужние ткачихи» Оля Лейкина (Т. Дербенева), Лена Харитонова (Л. Чикурова), Нина Мельникова (М. Струнова) будут говорить о любви и женихах, о нарядах и квартирах. Замужние, Надежда Фомичева (В. Орлова) и Прасковья Голубева (Е. Фадеева), в годы войны по восемнадцать часов не отходившие от станков, — о работе, дочках и внуках. О работе, детях и внуках, о своих соседях будут говорить и две бывшие ткачихи, ударницы первых пятилеток, обитательницы Дома ветеранов тетя Надя Бурыгина (Т. Пельтцер) и тетя Нюра Кудряшова (Л. Рюмина).

Точные бытовые реалии, нынешняя разговорная, чуть жаргонная речь, верно подсмотренная манера бытового поведения — все это и создает живую плоть спектакля, придает большую наполненность и емкость, достоверную значимость поступкам и суждениям героев, относящимся к сфере производственной, общественной. Впрочем, как часто мы бываем неправы, искусственно отделяя быт от производства, житейскую повседневность — от проблем социально значительных.

При том, что в «Моих Надеждах» сохранена некая рационально-ироническая стилистика, свойственная ряду работ М. Захарова, — это «человеческий», то есть человечный, душевный спектакль, затрагивающий сущностные проблемы нашего бытия, и потому проникающий во все его сферы: и в производственную, и в общественную, и в частную, житейскую.

Эту атмосферу создают прежде всего замечательные актрисы Т. Пельтцер, В. Орлова, Е. Фадеева, Л. Рюмина, сумевшие соединить в своих героинях добросердечие и юмор, энергичную человеческую активность и иронию, житейскую простоту и душевную тонкость. За каждой из них — судьба своего поколения, опыт жизни сложной, трудной, по-своему радостной, выработавшей стойкие стереотипы восприятия и поведения, но не позволявшей утратить при этом естественного, по-женски участливого отношения к миру.

М. Захаров, как правило, создающий жесткие сценические конструкции, в «Моих Надеждах» позволяет, например, Т. Пельтцер свободно, почти концертно пройтись вдоль рампы и, поправив платочек на плечах, спеть «на зрителя» давно забытый шлягер «Я девочка фабричная...». И зал сразу благодарно «ответит» актрисе и режиссеру.

Производственный конфликт открывается перед нами как бы через конфликт бытовой, интимный: Лена Харитонова приревнует помощника мастера Ивана Федорова к Наде Родионовой. Бросит ей злые слова, перевернувшие душу молодой и удачливой бригадирши: «Приехал директор с совещания, собрал узкий актив. «Нам нужен новый «маяк»... Голубиха тебя и подсунула... высокие у тебя показатели, высокие, а сколько в некондицию, в брак пошло?» И Надя Родионова, искренне уверенная прежде в своей правоте и своей удачливости, отдававшая всю себя работе, решила заново взглянуть на свою жизнь, отказаться от предложенной ей высокой чести — стать кандидатом в депутаты райсовета.

«Дорогие товарищи!.. Разрешите сказать вам и в вашем лице всему коллективу... Как говорится в одной книге: человек рожден для счастья... а счастье — это посаженное твоими руками дерево, построенный дом, выращенный урожай...» За сравнительно короткое время сценического действия Надя Родионова произносит эти слова четырежды, всякий раз мучительно отрывая одно предложение от другого, стремясь взвесить каждое слово, защупать его переозданный смысл и — не договаривая фразы до конца... В эти слова, при всей их справедливости, как бы не вмещаются ее жизнь и ее поступки, ее суждения и переживания.

Высокая, ладная, крепко и основательно скроенная Надя актрисы Т. Кравченко стремится к той подлинной органичности и цельности, которая и одарит ощущением счастья, полноты бытия.

Именно в этом пафос новой работы М. Шатрова и театра.

Высокое драматическое напряжение разрешится вновь в интонациях беспафосных, в по-житейски мудрых словах Надежды Фомичевой о доверии к их младшей подруге.

И, сидя за длинным, покрытым красной скатертью столом рядом с двумя другими Надеждами — Фомичевой и Бурыгиной, всхлипывая и подпевая старой песенке о фабричной девчонке, Надежда Родионова испытает минуты того счастья, к которому она так стремилась...

М. ШВЫДКОЙ